

УДК 342.3

DOI: 10.26140/bg23-2019-0803-0058

КЛАССИЧЕСКИЕ И ПОСТКЛАССИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА: ТРАДИЦИИ VS СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ДИСКУРС

© 2019

Шестопа́л Серге́й Станисла́вович, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории российского и зарубежного права

Туры́нская Ека́терина Серге́евна, аспирант, кафедра теории и истории российского и зарубежного права

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (690014, Россия, Владивосток, ул. Гоголя, 41, e-mail: ss.shestopal@ya.ru)

Аннотация. Философско-правовая категория суверенитет, оказавшись в активном лексиконе политиков и политологов, трактующих геополитические столкновения глобализационных и анти-глобализационных тенденций современного мира, приобретает чрезвычайную актуальность. Естественно возникновение многочисленных работ, посвященных переосмыслению этой категории и её существованию в логике современной философской мысли. Столкнувшись с процессами экономической глобализации, а также юридического и политического универсализма, современные политические и правовые теории встречают существенные затруднения и пытаются объяснить понимание государственной власти с точки зрения традиционного понимания концепта суверенитета. В работе изучаются различные подходы к концепту суверенитета, в контексте современных глобальных процессов, на примере кризисных явлений и попыток их преодоления в реализации суверенных прав государств-членов Евросоюза. Авторами раскрывается необходимость нового понимания суверенитета, чтобы прояснить логику его нынешнего использования в теории и на практике, а также его связь с более широкими проблемами социальной онтологии. Анализ современного состояния этой проблемы посвящена данная статья. Внимание второй ее части сосредоточено на эволюции философско-правового понятия «суверенитет» во второй половине XX века, в эпоху постмодерна.

Ключевые слова: суверенитет, независимость государства на международной арене, власть, государство, глобализация, модерн, постмодерн.

CLASSICAL AND POST-CLASSICAL INTERPRETATIONS OF STATE SOVEREIGNTY: MODERN VS POSTMODERN POLITICAL AND LEGAL DISCOURSE.

© 2019

Shestopal Sergey Stanislavovich, PhD in legal sciences, associate professor of the Department of Theory and History of Russian and international law

Turyanskaya Ekaterina Sergeevna, Postgraduate student, Department of Theory and History of Russian and international law

Vladivostok State University of Economics and Service (690014, Russia, Vladivostok, Gogolya 41, e-mail: ss.shestopal@ya.ru)

Abstract. The philosophical-legal category of sovereignty, being in the active lexicon of politicians and political scientists who interpret the geopolitical collisions of globalization and anti-globalization trends of the modern world, is becoming extremely urgent. The emergence of numerous works devoted to revisiting this category and its existence in the logic of modern philosophical thought is natural. This paper is devoted to the analysis of the current state of this problem. The attention of its second part is focused on the evolution of the philosophical legal concept of “sovereignty” in the second half of the XX-th century, in the postmodern era.

Keywords: sovereignty, independence of the state in the international arena, the supremacy of state power inside the country, power, state, globalization, modernity, postmodernity.

Введение. Постмодерн первоначально возник как эстетическая парадигма, изобретённая на рубеже 1970-х годов американским литературным критиком Ихабом Хассаном (Ihab Hassan) для обозначения некоторых форм гипермодернизма в литературе. Слово постмодернизм также было взято на вооружение философом Жаном-Франсуа Лиотаром (Jean-François Lyotard) в 1979 году в «Состояние постмодерна» и далее Хабермасом (Jürgen Habermas) в эссе «Модерн, незаконченный проект» 1981 года, написанном в ответ на *Венецианскую биеннале 1980 года*; -эти две работы придали термину «постмодерн» философскую глубину. Ф. Джеймсон (Fredric Jameson) в 1984 году, определяет постмодернизм как «культурную логику позднего капитализма» ссылаясь на периодизацию, установленную историком марксистом Эрнестом Манделем (Ernest Mandel), и даёт более широкое – цивилизационное- представление этого понятия.

Суверенитет в эпоху пост модерна: глобализация (европеизация) и децентрализация. Следующий значительный этап в историческом процессе эволюции концепции суверенитета - это появление ограничений суверенных государств, которое возникло на практике после Второй мировой войны и с тех пор продолжается в процессе европейской интеграции, росте и укреплении законов и практических мер по защите прав человека. Наиболее ярко эти идеи высказаны в трудах критиков

суверенитета, таких как Бертран де Жувенель и Жак Маритен [1,2]

В 1948 году подавляющее большинство государств подписали Всеобщую декларацию прав человека, обязуясь уважать более 30 отдельных прав для отдельных лиц. Поскольку это не было юридически обязательной декларацией и не содержало каких-либо принудительных положений, декларация оставила суверенитет государств нетронутыми, но это был первый шаг к привязке внутренних дел подписавших декларацию стран к международным, универсальным обязательствам. На протяжении десятилетий эти права человека приобретают все более сильный правовой статус. Одной из наиболее надежных конвенций в области прав человека, которая действительно ограничивает суверенитет, мягко, через арбитражные механизмы, является Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, созданная в 1950 году. Примерно одновременно, подписанный 9 декабря, 1948 год, была Конвенция о Геноциде, обязывающая государства-подписанты воздерживаться от геноцида и наказывать его. Затем, в середине 1960-х годов, два пакта - Пакт о гражданских и политических правах и Пакт об экономических, социальных и культурных правах - юридически связали большинство государств мира с уважением прав человека своего народа. Конституционная власть подписавших государств осталась в значительной степени не затронутой.

Две из самых заметных критических атак суверенитета, осуществленных политическими философами, произошли в 1950-х годах – их предприняли Бертран де Жувенель и Жак Маритен (Bertrand de Jouvenel and Jacques Maritain) [1,2]. В своей выдающейся работе 1957 года «Суверенитет: вопрос о политическом благе» Жувенель признает, что суверенитет является важным атрибутом современной политической власти, необходимой для подавления споров внутри государства и создания сотрудничества в защиту от посторонних. Но он полностью осуждает современную концепцию суверенитета, которая создает власть, которая выше правил, власть, декреты которой считаются законными просто потому, что они исходят из его воли. Согласно Жувенелю суверенитет достиг своего пика в теории Гоббсе, чья «ужасная концепция» все возвращается к средствам ограничения, которые позволяют суверену издавать права и диктовать законы любым способом, который ему нравится. Но эти средства ограничения сами по себе являются частью социальных сил, сосредоточенных в руке суверена». Несмотря на их разногласия по локусу и форме суверенитета, последующие мыслители, такие как Локк, Пуфендорф и Руссо, «чувствовали приманку этого механически совершенного строительства». Это был «час суверенитета самого по себе», пишет Жувенель, существование которого «вряд ли кто-то тогда мог бы отменить».

Неоднозначность суверенитета также проявляется в Европейском экономическом сообществе – теперь в Европейском союзе. Римский договор, создавший общину в 1957 году, был стандартным международным соглашением, призванным регулировать отношения между суверенными государствами. В то же время, государства-основатели согласились «заложить основы все более тесного союза между народами Европы». Аналогичным образом, создатели ныне несуществующего конституционного проекта 2004 года представили свою работу как «отражающую Волю граждан и государств Европы, чтобы строить общее будущее». Граждане и государства – эта простая связь скрывает фундаментальный вопрос в основе европейской истории: будет ли европейское «общее будущее» основано на международной организации суверенных государств, или это будет организовывать «народы» Европы и, таким образом, достигать международных границ во внутренней политике суверенных государств? Институциональная структура Сообщества предполагает, что она стремится делать то и другое: Совет министров представлял государства, но Еврокомиссия и Суд представляли сообщество в целом, а парламент представлял «народы Европы».

Вопреки тому, что некоторые современники надеялись, а другие боялись, европейское сообщество не стало сверхдержавой. Сегодня Европе не хватает как воли, так и способности делать многие из суверенных требований, особенно в сфере безопасности и внешней политики, которые всегда были связаны с государственностью. В то же время отдельные государства не исчезли из Европы: они продолжают собирать налоги, проводить выборы, проводить внешнюю политику и поддерживать Веберовскую «монополию на законное насилие». Некоторые аналитики настаивают на том, что ЕС не угрожает существованию государств, европейская интеграция усиливает их потенциал и страхует их устойчивость [3-5]. Морган [6] пытается установить, какая Европа лучше всего отвечает требованиям «общественного оправдания». Он основывается на трех компонентах демократического стандарта оправдания: требование гласности (аргументы «должны апеллировать к причинам, которые могут принять все европейцы с соответствующим положением»), требование доступности (аргументы «должны быть понятны обычным людям») и требование достаточности (аргументы должны показать, что федеральная европейская политика «обеспечивает эффективную и действенную защиту товаров или выгод,

которые имеют целью оправдать свое существование»). Морган раскрывает слабость националистического евро-скептицизма, а затем исследует две разные возможные Европы. Одной из них является «пост-суверенная Европа», «радикально децентрализованное государство ... объединенное практикой диалога и споров». Другой, пользующийся поддержкой Morgana, – это суверенная Европа, «основанная на вкладе, который федеральная Европа внесет в личную безопасность». Морган утверждает, что издержки нынешней однополярности слишком высоки, а Европа, к которой он призывает, требует внутреннего суверенитета, обеспеченного «строительством параллельных, не дублирующих друг друга политических структур, которые могут получить легитимность только тогда, когда они продемонстрируют эффективность».

И все же, пока государства не исчезли, природа суверенитета в послевоенной Европе была преобразована. Рассмотрим, например, то, что произошло с традиционными претензиями государств на контроль четко определенной территории. В рамках Европейского союза товары, люди и капитал свободно перемещаются. Т.е. внутри европейские границы, которые когда-то были настолько важны для значения суверенитета, потеряли большую часть своей практической и символической силы. Европейские государства теперь открыты и другими способами – денежной системе, определяемой центральным банком, ограничениям бюджетных полномочий и большому набору обязательных соглашений. Дискуссия по эволюции значения территориальности описанная Майером [7] отражает реальные проблемы глобального мира. Хоб [8] утверждает, что «модель закрытого государства в смысле закрытых границ, ограничивает население до национальностей, и концепция правительства в смысле *suprema potestas* больше не является адекватным определением государственности».

В «Новом мировом порядке» Энн Мэри Слотер утверждает, что суверенитет в современном мире стал «реляционным, а не островным, в том смысле, что он описывает способность участвовать, а не право сопротивляться» [9]. Слотер уделяет особое внимание тому, как требования европейских государств участвовать в институтах ЕС стали существенным элементом их суверенитета, хотя она и не оправдывает сохранение их замкнутости, т. е. своих требований противостоять внешнему влиянию. Баланс между тем, что она называет «реляционными» и «островными» аспектами суверенитета, изменился, но оба элемента остаются. Как и в случае с длинной и сложной историей суверенитета, создатели суверенных требований отстаивают свою власть и принимают свои ограничения, защищают свою местность и признают, где она заканчивается. И как всегда, между суверенной теорией и практикой существует расстояние между порядком и стабильностью, обещанной доктриной, и компромиссами и неразрешенными конфликтами, наложенными в сфере политических действий. Другими словами, суверенитет по-прежнему является проблемой и, таким образом, помогает нам признать линии преемственности, которые присоединяются к нынешнему прошлому Европы.

В МакКормик в своей работе «Questioning Sovereignty» [10] рассматривает трансформация суверенитета в Соединенном Королевстве (Великобритания) и Европейском союзе (ЕС), переход от суверенных государств к пост-суверенным государствам, деволюция и национализм, а также будущее британского союза. Он применяет институциональную теорию права к общему исследованию отношений права и государства, а также к вопросу о характере Рехтстата или государства в соответствии с принципом верховенства права. Может ли этот суверенитет пережить рассеивание власти внутри британского государства? Или это может пережить развитие ЕС и верховенство в нем закона Европейского сообщества (ЕС)? Произошла ли революция в 1972

году, когда парламент принял Закон о Европейских сообществах, или позже, когда Палата лордов постановила, что последующие акты парламента должны быть «разочарованы», когда они вступают в противоречие с законодательством ЕС? Потенциал конфликта между конституциями государств-членов ЕС и европейским правовым порядком не меньше в других государствах-членах - Германии, Франции, Ирландии и других. На самом деле вопрос, возможно, в том, неизбежны ли в конечном итоге конституционные конфликты. Это приводит к рассмотрению плюралистического подхода по сравнению с монистическими представлениями о правовом порядке в целом и, наконец, к пересмотру концепции суверенитета.

Стивен Краснер известен в мире политологии за обширный вклад трактовку понятия государственного суверенитета - «Суверенитет: организованное лицемерие» [11]. Он определяет государственный суверенитет как четко выработанные правила, действующие в международном праве. А именно: правило состоит в том, что государство имеет исключительное право на контроль над собственной территорией и населением людьми; а также государство имеет законное применение власти и интерпретацию международного права в границах собственной территории. Но, Краснер, концентрируя внимание на постоянно нарушающихся правилах суверенитета, определил четыре концепции суверенитета в международных отношениях: правовой суверенитет - государства, признающие друг друга независимыми территориями. Взаимозависимость суверенитета - глобализация (например, международные потоки капитала, людей и информация) разрушает государственный суверенитет. Внутренний суверенитет - стандартное определение, которое относится к структурам государственной власти и их эффективности контроля в государстве. Вестфальский суверенитет - государства имеют право отдельно определять свои собственные внутренние полномочия.

Интересные и безусловно важные исследования концепции суверенитета, представленные в работе Калмо и Скиннера «Фрагментация суверенитета» [12]. Политическая составляющая современного мира, меняется с такой быстротой, что было предпринято несколько попыток с достаточной тщательностью рассмотреть вопрос о характере и ценности концепции суверенитета. Требования суверенных властей обусловлены политическими реалиями империй, государственного строительства, военной интервенции и глобализации. Их также информируют другие «политические» концепции, такие как власть, верховенство закона, государство и просто война. В этом исследовании, авторы анализируют то, что называется «грамматикой суверенитета», и путь, которым эта грамматика формировалась и определялась политическими факторами и идеями. Удивительная способность суверенитета быть адаптированным к различным правовым и политическим контекстам позволяет ученым находить свою грамматику в важных правовых и политических дебатах, анализировать свою логику в действии и иметь сложное понимание своего будущего. Хотя суверенитет в основном «аргументированный источник», он неприменим к стратегической, инструментальной логике. Его значение, функция и эволюция не могут быть изолированы от значения, функции и эволюции других фундаментальных концепций политики. Это важный вывод, который делают авторы, и тематические исследования хорошо иллюстрируют конституцию и ко-эволюцию суверенитета и других политических концепций, таких как легитимность, сила и власть. Аналогичным образом, как показывают авторы, использование грамматики является хорошей метафорой, помогающей понять аспекты суверенитета.

В нескольких главах, посвященных ЕС, Калмо и Скиннер [12] рассматривают вопрос о том, трансформирует ли суть суверенитета правовой опыт ЕС. С точки зрения авторов ЕС является образцом будущего, с его

инновационной структурой, верховенством закона и подотчетностью государства - возможно, примером «оптимального суверенитета» или даже оптимальным распределением власти. Для многих государств-членов ЕС — это самые важные вопросы суверенитета и, возможно, ключ к пониманию его будущего. Естественно, что исключительное внимание [12] к ЕС, и его либерально-евроцентрическая ориентация, оставляет без внимания другие современные проблемы суверенитета и безопасности.

Так, диспутируя с авторами следует отметить, что, безусловно, влияние на концепцию суверенитета оказывают и некоторые американские внешнеполитические действия последнего десятилетия - вмешательство в Косово, «отдача» суверенитета Ираку, участие Америки в создании иракской и афганской конституции, рост частных американских военных компаний, нападения американских беспилотников на суверенные государства, дебаты о пакистанских суверенитет в федеральных административных зонах (FATA) и юрисдикционный статус Гуантанамо в американских и международных законах, а также различные дебаты, связанные с этими вопросами, кажутся более значимыми, чем европейские дебаты по пониманию суверенитета и оценке его будущего. Точно так же неясно, что в дискуссиях ЕС рассуждается о таких вопросах, как обвинительный акт Международного уголовного суда президента Судана Омара аль-Башира, суверенитет Тайваня и Гонконга и статус Палестинской Власти.

Противоречивость в современных взглядах на суверенитет отражены безусловно и здесь. Так Краснер, ставит под сомнение актуальность опыта ЕС в понимании будущего суверенитета. Он также приносит проблемы власти в дебаты. Схематически он классифицирует 72 государства с «премодернистским» (premodern) суверенитетом, которые «не управляются» или «плохо управляются», тем самым становясь источником потенциальных угроз безопасности для государств с традиционным суверенитетом или, в случае ЕС, постмодернистского суверенитета. Если риски, создаваемые этими досудебными суверенными государствами, станут реальностью, Краснер предвидит частые военные вмешательства и, возможно, изменения в правилах суверенитета.

Исследователи Калмо и Скиннер [12] и Мартти Коскеними [13] подчёркивают, что суверенитет был и будет оставаться неотъемлемой частью эволюции правовых и политических систем. Современная эпоха требует достижения глубокого понимания того, как суверенитет функционирует в самых разных контекстах и как он взаимодействует с другими концепциями, ключевыми для политики и политического воображения. Суверенитет - это очень адаптивная концепция, меняющаяся во времени и пространстве, и зависящая от геополитической ситуации.

Что конкретно означает, когда говорят о приобретении, сохранении, нарушении или утрате суверенитета? Объединяя историков, конституционных юристов, политических философов и экспертов в международных отношениях, «Суверенитет во Фрагментах» пытается развеять иллюзию, о том, что существует унитарная концепция суверенитета, из которой можно было бы дать четкое определение этого сложнейшего понятия, находящегося в постоянном эволюционном адаптивном процессе [12].

Дженс Бартельсон в своем критическом исследовании «Суверенитет как символическая форма» [15] утверждает, что значение и функции, выполняемые этой концепцией, значительно изменились за последние десятилетия, что имеет глубокие последствия для онтологического статуса государства и *modus operandi* международной системы в целом. Хотя мы привыкли рассматривать суверенитет как определяющую характеристику современного государства и как основополагающий принцип международной системы, суверенитет как сим-

волическая форма утверждает, что это понятие превратилось в нечто само собой разумеющееся, что зависит от его ответственного осущестления в соответствии нормам и ценностям воображаемого международного сообщества. Следовательно, нам необходимо новое понимание суверенитета, чтобы прояснить логику его нынешнего использования в теории и на практике, а также его связь с более широкими проблемами социальной онтологии: в каком мире мы живем, и какие объекты это мир состоит? Автор предложил концепцию «двойного связывания» существующего между суверенитетом и самозащитой [13].

Противоречивая ироничность последних публикаций обсуждающих сам предмет и его важность свидетельствуют о своевременности попыток стройного методологического подхода к трактовкам суверенитета – вчера, сегодня, завтра [15– 22].

О признании важности этого вопроса свидетельствует и дискуссия, организованная на семинаре под названием «Конец Вестфалии? Переосмысление суверенитета», организованном совместно Институтом этики, управления и права, Университет Гриффита, и Программой мира и управления в Университете Организации Объединенных Наций [16]. Вот какие проблемы обсуждались на этом семинаре. Суверенитет, как концепция, находится в состоянии изменения. Множественность значений, которые государства, международные организации и другие глобальные акторы стали связывать с идеей суверенитета в прошлом столетии, стерли с себя традиционные представления о том, что он собою являет; возможно, что еще более важно, ограничения суверенитета были изменены, поскольку транснациональные проблемы конкурируют с внутренними заботы о приоритете. Одновременно глобальное понимание суверенитета обязательно привело к включению других перспектив суверенитета, не вытекающих из западной пост-эпохи просвещения. Во время интенсивного соперничества между светской и религиозной властью, может ли быть консенсус по суверенитету? Действительно ли постсекулярность означает конец Вестфалии? Или традиционные западные теории суверенитета возобладают? Пока на эти вопросы нет однозначных ответов.

В работе Аустерла «Достоверность суверенитета» [17] глубоко анализируются двусторонние отношения между Швейцарией и Европейским союзом и их влияние на суверенитет в контексте европеизации. Анализ затрагивает философские дискуссии о сложности суверенитета. Чей суверенитет поставлен на карту, когда речь идет об отношениях Швейцарии и ЕС? Эта проблема становится не только с неуловимостью суверенитета как концепции, но также с распространением лицемерия в отношении его присутствия внутри государств. В книге оспаривается аргумент реалиста / неореалиста, утверждающий, что государства являются достоверно суверенными, пока не доказано обратное, и объясняет, что дебаты по суверенитету государства требуют раскрытия этой лицемерной эпистемологии, искусно замаскированной под объективное присутствие. Эта деконструкция соединяет теорию и практику суверенитета новаторски, предоставляя позитивистское доказательство на спорном доверии к швейцарской претензии суверенитета и подтверждает наличие богословского аспекта в рамках политики.

Понятие суверенитета является одним из центральных понятий современной политической философии. Однако, столкнувшись с процессами экономической глобализации, а также юридического и политического универсализма, современная политическая теория встречает существенные затруднения и пытается объяснить использование государственной власти с точки зрения традиционного понимания суверенитета. В своей работе Эрленбуш «Концепт суверенитета» [18] рассматривает наиболее влиятельные концептуализации суверенитета в современной континентальной политической филосо-

фии, включает защиту Шмиттом суверенитета и отказ Агамбена от суверенной политики, а также ряд теоретических попыток объяснить сложности суверенитета и его адаптацию к новым политическим обстоятельствам.

По-прежнему активна дискуссия о суверенитете - о структуре понятия, его актуальности и общности во франкоязычной литературе, в работах Алана де Бенуа, Константинеско и др. [19–21]. Для Франции, одной из прародительниц этого понятия (а быть может и явления?) со времен возникновения ЕС не утихают ученые споры о национальном и европейском суверенитете. Вот официальная формулировка понятия суверенитета, принятая во Франции: «Во Франции в статье 3 Декларации прав человека и гражданина от 26 августа 1789 года четко говорится: «Принцип всего суверенитета заключается в основном в нации: ни один орган, ни один человек не может осуществлять власть, которая не исходит от нее». В этом контексте суверенитет не может осуществляться деспотом или быть разделен между несколькими фракциями людей: он удерживается коллективным и неделимым существом, отличным от лиц, которые его составляют. Но ограничения осуществления власти подразумевают, что этот суверенитет делегирован: народ, хотя и существующий в рамках политических институтов, может действительно непосредственно заниматься общественными делами. Таким образом, эта миссия возлагается на избранных представителей, решения которых являются выражением общей воли. В этой связи в статье 6 Декларации 1789 года говорится, что «закон является выражением общей воли. Все граждане имеют право конкурировать лично или их представителями при его формировании...». Согласно современным дискуссиям, во Франции существует такая трактовка теории суверенитета: «Суверенитет принадлежит народу, который является коллективным и неделимым существом. Это абстрактная сущность, отличная от людей, юридическая фикция, которая вынуждена проходить через представителей, чтобы выразить свою волю. Поэтому избирательное право является необходимой функцией для существования Нации, потому что без представителей нет Нации. Это представительная демократия. Осуществление полномочий возлагается на представителей, которые будут отвечать за принятие решения от имени нации. Одной из критических замечаний в отношении этой демократии является конфискация власти меньшинством и, следовательно, риск диктатуры меньшинства. Еще один возможный «дрейф» заключается в том, что парламентарии конфискуют в свою пользу силу, которую они осуществляют во имя нации. Если это осуществится, то тогда не будет вопроса о национальном суверенитете, а о парламентском суверенитете [22–29].

Выводы

Несмотря на критику национального суверенитета, единой альтернативы ему не предложено, что приводит к необходимости более глубокой и деликатной трактовки. Таким образом, среди современных демократий многие выбрали компромисс между этим суверенитетом и народным суверенитетом. Каждый из них имеет свои преимущества и позволяет преодолеть недостатки другого. Таким образом, во Франции преобладает национальный суверенитет, но существуют элементы народного суверенитета.

Из зарубежных публикаций, обсуждаемых в данной работе, можно сделать вывод, о том, что понятие суверенитета в международных отношениях по-прежнему пользуется уважением в европейской континентальной правовой школе, в то время как англосаксонский взгляд на суверенитет (возможно, и на международные отношения в целом) является довольно саркастичным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. De Jouvenel, B., *Sovereignty: An Inquiry Into the Political Good*, Chicago: University of Chicago Press. 1957, 320 p.
2. Maritain, J., *Man and the State*, Chicago: University of Chicago Press., 197p / Ж. Маритен ; Человек и государство пер. Т. Лифинцевой. – М. : Идея-персс, 2000. – 196 с.

3. Milward A. *The European Rescue of the Nation-State*. London, 1992, 400 p.
4. Wallace W. *Rescue or Retreat? The Nation State in Western Europe, 1945-1993*. Political Studies vol. 42 1994, pp.57-76,
5. Paul T. V., Ikenberry G. J. and Hall J. A., eds., *The Nation-State in Question*. Princeton, N.J., 2005, 400p.
6. Morgan G. *The Idea of a European Superstate: Public Justification and European Integration*. Princeton, N.J., 2005, 240p.
7. Maier Ch. S. *Consigning the twentieth century to history: alternatives narratives for the modern era*, in: *American Historical Reviews*. University of Chicago Press, pp. 807-831.
8. Hobe S. *Statehood at the End of the 20th Century - The Model of the "Open State": A German Austrian Review of International and European Law*, *Perspective January 1997*, pp.127-154.
9. Slaughter A.M. *A New World Order*. Princeton, N.J., 2004, 268p.
10. MacCormick N. *Questioning Sovereignty: Law, State, and Nation in the European Commonwealth*. Oxford, 1999, 210p.
11. Krasner, S. D., *Sovereignty: Organized Hypocrisy*, Princeton: Princeton University Press. 1999, 280p.
12. Kalmo H. and Skinner Q. *Sovereignty in Fragments: The Past, Present, and Future of a Contested Concept*, Cambridge: Cambridge University Press. 2014, 280p.
13. Koskenniemi M. *The Politics of International Law*. Hart Publishing is an Imprint of Bloomsbury Publishing, 2011, 388p.
14. Истоки современной политической мысли. В 2 томах. Том 2. Эпоха реформации, Издательский дом «Дело» РАНХуГС, 2018, 566 с.
15. Bartelson, J. *Sovereignty as Symbolic Form (Critical Issues in Global Politics)*. Taylor&Francis group, London and New-York, 2014, 134 p.
16. *Re-envisioning Sovereignty, The End of Westphalia?* Ed. By T. Jacobsen, C. Sampford, R. E. Thakur, Taylor&Francis group, London and New-York, Routledge, 2016, 346 p.
17. Pusterla E. R.G. *The Credibility of Sovereignty - The Political Fiction of a Concept*, Springer Cham Heidelberg New York Dordrecht London ® Springer International Publishing Switzerland 2016, 486 p.
18. Erlenbusch V. *The Concept of Sovereignty in Contemporary Continental Political Philosophy*, *Philosophy compass*, Volume 7, Issue 6, June, 2012, pp. 365-375.
19. Alain de Benoist *Souverainistes et souverainete Europe, populisme, souverainisme et mondialisation: les enjeux des temps modernes* <https://www.alaindebenoist.com/2018/10/01/europe-populisme-souverainisme-et-mondialisation-les-enjeux-des-temps-modernes/> Identity and sovereignty – two inseparable notions <https://www.geopolitica.ru/en/article/identity-and-sovereignty-two-inseparable-notions>
20. Constantinesco V. «La souveraineté est-elle soluble dans l'union européenne ?» *Centre international de formation européenne | « L'Europe en Formation »* 2013/2 n° 368 | pages 119 à 135, ISSN 0014-2808, <https://www.cairn.info/revue-l-europe-en-formation-2013-2-page-119.htm>
21. *La Souveraineté nationale*, <http://www.vie-publique.fr/decouverte-institutions/institutions/approfondissements/souverainete-nationale.html>, le 30 juin 2018.
22. Sheehan, J. J. *The Problem of Sovereignty in European History*, *American Historical Review*, Feb. 2006, Vol. 111 Issue 1, pp.1-15. (The article presents the speech delivered by James J. Sheehan, president of the American Historical Association in 2005, in a social occasion which deals with the problem of sovereignty in European history. It discusses the nature of sovereignty and the subject of history. It examines the problems involved in defining sovereignty and how it relates to government and authority. State formation proceeds from the ongoing process of making, unmaking, and revising sovereignty claims by groups within a political community.)
23. Яковлюк И.В., Мамычев А.Ю., Шестопал С.С. *Европейский союз сквозь призму имперской модели власти*. // *Право и политика*. 2016. № 12. С. 1473-1481.
24. Шестопал С.С. *Соотношение суверенитета государства и экстерриториальности права в контексте глобализации* // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 375-380.
25. Шестопал С.С., Олейников С.Н., Мамычев А.Ю. *Философия естественного права Жака Маритена как теоретический фундамент прав человека*. // *Юридические исследования*. 2016. № 11. С. 45-59.
26. Мамычев А.Ю., Вронская М.В., Филиппова М.К. *Социально-культурная и политико-экономическая жизнеспособность государственного суверенитета в XXI веке* // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2016. Т. 5. № 3 (16). С. 224-227.
27. Shestopal S.S., Oleynikov S.N. *Theoretical foundation of human rights: J. Maritain philosophy of natural law*. *Journal of Scientific Research and Development*. 2016. № 3. p. 96.
28. Yakovyuk I. et al. *The concept of "Imperial Federalism" in the service of European integration: history and contemporaneity* // *National academy of managerial staff of culture and arts herald*. – 2018. – №. 2. – С. 214-222.
29. Яковлюк И.В., Шестопал С.С. *Государственный суверенитет и суверенные права: проблема соотношения* // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 381-387.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-33-00034 (а1)

Статья поступила в редакцию 06.07.2019

Статья принята к публикации 27.08.2019